

Родился в посёлке Бохан Иркутской области, после школы учился в Иркутском театральном училище; работал санитаром, плотником, дворником. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Сибирские огни», «День и ночь» и др., альманахах «Иркутское время» и «Зелёная лампа» (издания Иркутского отделения Союза российских писателей). Автор книг «Игры в домино с Чингисханом» (2001) и «Пустынное место» (2004). Умер в Иркутске. Выпуск альманаха «Иркутское время» (2007, 256 стр.) был посвящён памяти трёх иркутских поэтов, один из которых — Тимченков, и содержал подборку его стихотворений.

С ЗЕРКАЛА НА НЕБОСВОД

ЧЕЛОВЕК-ВЕТЕР

Дождь ходит в облаке над землёй
Вслед за вечерней зарёй.

Землю, как перышко, воздух несёт,
Когда месяц звезду пасёт.

За мной горе луковое слезу
Везёт на худом возу.

Значит, пора рукава сучить,
Душу ввысь волочить.

Человек-ветер идёт напролом
На струге своём дождевом.

Над ним месяц, что без кореньев живёт,
Краюху черной ночи жуёт.

Он без крыльев летает
И без рук океан шатает.

Человек-ветер — непрошенный гость —
Вбитый в голову гвоздь.

Ты теперь не сумеешь спать,
Ты его будешь ждать.

Облик, который подарила мать,
Надвое разнимать.

По зеркалу трещина пролегла
И на тебя перешла.

Одна половина живёт в тебе,
Другая блуждает вне...

Это, говорят,

облако-гроб

Протягивает лестницы дождевые
Мертвецам,

Которым за воздушным океаном раздают сны золотые.

А ты таскай своих зайцев в глазах,
Дрожи осиновым листом на углу скуки,

Но помни,
    Что ветер — человек азартный
И у него длинные руки.

Что он такой же, как ты,
С тою же трещиной, по лицу проложенной,
И такие же сквозняки
Ходят под его кожей.

За мной горе луковое слезу волочит,
Синий рукав сучит.

От меня отделившись, живёт в стекле
В зеркале на стене.

Тот, второй, на меня похож,
Только его не возмёшь.

Он, когда я иду ко сну,
Возвращает меня всему.

А когда в конце моя смерть придёт,
Он меня не найдёт.

Он будет в своём зазеркалье блуждать,
Имя моё вспоминать.

И лишь, когда трещина перейдёт
С зеркала на небосвод,

Он перестанет быть только вторым,
Он станет дыханьем моим.

И все забудут, каким я был,
Когда по земле ходил.

Моё отражение меня заслонит,
Сердце мое победит.

И никто не вспомнит, что был я живым.
Первым, а не вторым!

И ветер ходил в моей голове,
А не в зеркале по земле.

А когда дверь, Мария, откроешь
В меня мёртвого,
Там увидишь: под чёрных дум камнем
Твой золотой горит волос.
Человек-ветер не трогал его руками!

Он бы не посмел,
Хотя пророс через трещину моего тела.

Он знает,
Где смерть,
А где — нечего ему делать!

Но туда,
Мария,
Где Марченко — могильщик от сельсовета
За бутылку закопает любого,
Туда ни за что на свете
Не приводит Второго!

* * *

Птице бы, ласточке бы на свободу...
Дух от ветра, глаза от солнца,
помыслы от облак Божиих народу
дать, но кровь от Чёрного моря в горле

сквозь раны тянет к сырой земле,
кости сковывает ознобом...

Птица в голове моей, как в тюрьме
бьётся, мучает мою голову.

* * *

Штормит.

Невозможно стоять.

За канат горизонта

схватиться руками.

Зима на износе.

Февраль.

Во рту папироса...

Подкуривать, брат, нет резона.

Кренит на углу Партизанской

фонарь, и корабль

машины куда-то несёт...

Разбиваясь о волны

лицо устаёт таскать на себе два пробела

в истории жизни,

которые только и помнят,

что зовутся глазами...

А тут — то и дело

кончается жизнь.

Начинается жизнь —

беспробудно

в угаре иллюзий...

За угол зайти,

прикрывая

зажжённую спичку...

Я знаю, душа, тебе трудно...

В моём океане болтает.

Перекур...

Передышка...

В моём океане болтает...

В моём океане болтает.

Душа, тебе трудно,

и нужно усилье сказать,

что и это бывает,

что и это пройдёт,

как простуда.

Здравствуй, город-корабль...

В паруса моих траченных лёгких
задувает чахоточный кашель...

Ещё передышка...

Постоять,

посмотреть

на весь мир необъятно огромный

и маленький слишком...

СНЕГУРОЧКА

От неба до земли

вбит осиновый кол месяца.

Гудит пространство торосами льдин,
крошевом светится.

Тесно Байкалу лежать во льдах,
рвёт на себе тряпки.

Грохот и скрежет — во всех мирах:
даже Богу ушей не спрятать.

И улыбается древний Бог,
смотря на дитя неразумное.

«Угомонись, — говорит, — оглохну.

Зачем тебе Бог полоумный?»

Горы — сторожевыми псами вокруг.
А за горами — степь.
Солнце с месяцем сделают круг —
и снова стоят у стен
мира, которому ветер-сын —
днём паруса крепить
и Байкалу трепать усы,
снег бороды пушить.

* * *

Понедельник работал при церкви плотником:
сплетал из дерева мироздание.
Мучил постами плоть свою,
и томилась в любви звезда его.
А потом напивался
и в море шёл —
рыбой руки порадовать,
и говаривал, что хоть он крещён,
но он — сын рыбака, и пора понять...

И так — по кругу и под стакан.
Глаза ли тоскливыми делаются,
иль над полыньями стоит туман:
сам по себе светится?
Иль кто-то в море ходит чужой —
в тумане грохочет люто?
Вместо сердца — сплошной пожёг,
да вместо души — смута.

* * *

Старуха, что торгует рыбой
у Байкальского тракта,
каждый день приходила
с матерью Понедельника покалякать...

Говорит-говорит,
да на Понедельника поглядит...

«А ты, — говорит, — Понедельник, чего сидишь?
Иди, там красавица-девка ждёт.
А то, слышишь, Байкал ворчит,
слышишь, как ломается лёд?»...

* * *

Там, куда уходишь, — всегда весна.
Но тебя там — не будет,
ты меня прости
за то, что я огненного куста
корни в тебя пустил.

* * *

Я была облаком на руках Человека-ветра.
Человек-небо взял меня быть его плачем,
потому что, Понедельник, любовь — это смерть моя.
Раз я умерла — любила тебя, значит.

* * *

Лодочка...

Лодочка...

Куда ты плывёшь без гребца-рыбака?

.....
Это — ночь длинная.

.....
Это — шумит на всю ночь Байкал.

На всю великую тишину —
ни одной чайки не отыскать.
Только рыбы скользят по дну,
да они не умеют кричать...

Старуха что-то шепчет у огонька.
У старухи — перекошенное лицо.
На этом лице два паука
никак не найдут концов,
ткнут паутину на весь Байкал,
чтоб не пролить ненароком глаза.

У старухи весёлый оскал.
Она ничего не вернёт назад.

Падай на колени,
у Господа проси!
Господи, дай мне студёной воды,
на всю долгую жажду воды испить,
на всю безответную смерть впереди!

Снегурочка!
Я тебя долго искал!
Ко мне вышел анатом с льдинкой в руке.

.....

«Это — её сердце», — сказал.

.....

Мне теперь — глаз не отвести смотреть.

.....

Какие-то люди вокруг поют,
на их лицах странный отражён свет...

.....

Я им ни за что не скажу,
что тебя больше на земле нет...